

[Polaris]

АНДРЕЙ МАРСОВ

ЛЮБОВЬ В ТУМАНЕ БУДУЩЕГО

История одного романа
в 4560 году

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ХСVI

Salamandra P.V.V.

**Андрей
МАРСОВ**

ЛЮБОВЬ В ТУМАНЕ БУДУЩЕГО

(История одного романа
в 4560 году)

Salamandra P.V.V.

Марсов А.

Любовь в тумане будущего (История одного романа в 4560 году). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 35 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ХСVI).

«Любовь в тумане будущего» А. Марсова (1924) – антиутопия, повествующая о запретной любви в тоталитарном мире будущего, где одержимое манией контроля государство управляет и мыслями, и чувствами, и жизнью людей.

Андрей Марсов

ЛЮБОВЬ В ТУМАНЕ БУДУЩЕГО

(История одного романа в 4560 году)

Глава первая

Когда Джери в то памятное утро вышел на улицу, он сразу же почувствовал, что с ним произошло нечто такое, в результате чего его душевное равновесие было сильно нарушено... Обеспокоенный этим обстоятельством, он явно нервничал. Нервничал!.. Факт, почти незнакомый людям с тех пор, как высшее управление Великой Республикой сосредоточилось в руках Совета Мирового Разума, который, построив жизнь на совершенно новых началах, добился полной гармонии между внутренними переживаниями и внешними поступками человечества. С момента открытия ультра-Рамсовских лучей, давших возможность фотографирования самых сокровенных мыслей, все импульсы подсознательного «Я» каждого индивидуума были взяты под самый строгий контроль. Результаты этого мероприятия были колоссальны... Преступников больше не существовало, так как преступления открывались до их совершения, и человечество, освобожденное от всего злого и преступного, упоенное братской любовью, с восторгом отдалось плодотворной работе в рамках самосовершенствования... Через несколько поколений люди достигли вершины благополучия. Целый ряд изобретений общественного характера, разумно использованных, уподобил земное существование Человечества древнебиблейской легенде: «Жизнь человека в раю». Во всем царствовала полная гармония. Детальное изучение импульсов подсознательного «Я», как массового характера, так и отдельных его представителей, дало возможность найти общепринятую форму «Мировой Истины», которая и была взята за основа-

ние при составлении «Законов Мировой Истины». Для удовлетворения своих минимальных потребностей люди работали только один час в неделю. И эта работа, общая и разумно обставленная, являлась как бы продолжением того вечного праздника, в который погрузилось человечество. К тому времени были совершенно изжита боязнь праздного существования, так рельефно характеризовавшая людей прошлых тысячелетий. В разумных удовольствиях совершенствовалось человечество.

Итак, Джери был взволнован, смутно догадываясь о том, что должно было сейчас произойти. Пять дней тому назад, собираясь так же, как и сегодня, направиться во Дворец Великих Знаний, Джери неожиданно попал в непривычное для себя положение. Едва он ступил на подвижную часть улицы, как на перроне соседнего дома появилась стройная фигура молодой девушки. По-видимому, спеша, она решила одним прыжком перескочить ту часть улицы, которая двигалась в ненужном ей направлении, Прыжок был полон избытка молодых сил, но в то время, как ее правая нога становилась рядом с Джери, левая поскользнулась и задела противоположно двигающуюся полосу. Девушка неминуемо упала бы, если бы Джери не подхватил ее за талию и не поставил рядом с собой... Освобождаясь от его объятий, она кинула ему благодарный взгляд, и вот тут-то Джери почувствовал первый приступ сладкого волнения... Всю остальную часть дороги они весело поболтали...

«Ее зовут Дони... Она отправляется на выставку предметов культа людей XX и XXI веков. Там ей придется сделать маленький доклад... Она очень спешила... Ушиблась бы?... О, нет!... Дорога ведь так мягка... Кроме того, несчастные случаи совершенно исключены в Городе Разума... но все-таки, она ему очень при-

знательна... Благодаря его дружеской помощи ей удалось выиграть несколько секунд времени...»

Когда улица, на которой они ехали, поравнялась с Музеем Человечества, где помещалась Донина выставка, она, кивнув головой, протянула ему свою руку, поблагодарив его этим жестом еще раз, и Джери, взяв ее, потряс в крепком рукопожатии, смутно сознавая вместе с тем нем нелепость своего поступка. Это рукопожатие в XLVI веке как бы отбрасывало их в древние века... После этого они расстались. Встав на перроне Дворца Великих Знаний, Джери попал под влияние одной из психоконтрольных досок, разбросанных в большом количестве по всему городу. Здесь он впервые убедился, что его внутреннее равновесие несколько нарушено: контрольный аппарат, при его приближении, дал легкий треск мгновенной вспышки... Но явление было столь мимолетным, что никто не обратил на него внимания; даже стоящий на своем посту Слуга Общественной Безопасности не счел нужным предпринять что-либо и ограничился одним испытующим взглядом в сторону Джери.

После своей первой встречи случилось как-то само собой, что они продолжали встречаться каждый день. Джери неожиданно обнаружил в себе величайший интерес ко всем деталям того религиозного фанатизма, который последней вспышкой охватил людей XXI столетия. Естественно, что ответ своим запросам он мог легче всего получить в Музее Человечества, куда он забирался ежедневно с утра и где под непосредственным наблюдением Дони постигал весь ужас христианской епитимьи, а рассматривая клобук какого-либо монашествующего ордена, получал реальное представление о его полной несхожести с епитрахилью в облачении священнослужителя.

Так прошло четыре дня.

За это время Джери, при той искусственно обостренной памяти, которая постоянно культивировалась его современниками и которой он владел в совершенстве, достиг полного усвоения истории постепенного развития религиозных верований, начиная от доисторических времен и кончая XXI веком, когда гениальное открытие в области биологии искусственного выращивания живой клетки сделало из человека Создателя Природы. С этого момента красивая легенда о Боге была разрушена навсегда и уже не возрождалась более...

Все это Джери очень хорошо усвоил в продолжение четырех дней, и его очередное появление в Музее Человечества на пятый день могло бы удивить кого угодно, но только не Дони... Она ему улыбнулась не менее ласково, чем накануне, а затем, когда они, наклонившись, искали каких-то подробностей среди религиозной ветоши, их губы неожиданно соприкоснулись в упоительном поцелуе... Вероятно, это продолжалось бы еще несколько дольше, если бы все увеличивающийся шорох в контрольном аппарате не заставил их испуганно отскочить друг от друга. Внезапно шум прекратился. Это испортился аппарат, не выдержав напряжения их страсти...

Они были спасены...

Однако даже столь неясно выявленный аппаратом шум все же привлек внимание Слуги Общественной Безопасности. Спрятавшиеся Джери и Дони могли слышать, как он, подойдя сперва к испорченному аппарату с беспомощно повисшими вибрационными щупальцами, наклонился затем над беспроводным телефоном и бросил в пространство:

— Очередная порча контрольного аппарата слабого напряжения. Необходима замена.

И несколько секунд спустя пространство ему ответило:

— Отдано распоряжение о замене всех аппаратов слабого напряжения на более сильные. Завтра будет выполнено. Во Имя Общественной Безопасности!.. Будьте бдительны!

Таким образом, Джери и Дони были спасены от неприятности быть изъятými из общения с человечеством за нарушение элементарных законов Великой Республики «О недопустимости внебрачного поцелуя» и за проявления опасной для окружающих неуравновешенности в своих поступках. По-видимому, и в городе Разума возможны счастливые случайности...

Джери и Дони весело улыбнулись друг другу.

Всю последующую затем ночь Джери провел в полубессознательном состоянии, мечтая о Дони... Он мысленно воспроизводил в своем воображении каждый ее жест, каждую ее улыбку, вслушиваясь в звучащие где-то в глубине его души милые переливы ее голоса... Очнувшись утром своих приятных грез, он с ужасом задал самому себе вопрос: «Что же, в конце концов, происходит со мной?» Какой-то неясный, неуловимый процесс внутреннего горения охватил его с головы до ног и, завладев всеми его помыслами, заставляя думать об одной только Дони, лишил его мозговые функции свойственной им ясности и четкости мышления. Все окружающие его предметы как бы потеряли половину своей реальности, затянулись дымкой одухотворенности и одним своим видом наполнили всего Джери восторгом диким и исступленным. Ему хотелось петь, кричать и, производя шум, недопустимый в Городе Разума, предаться диким пляскам древних людей. Он способен был под влиянием всепожирающего восторга броситься на шею первому встреч-

ному и, в диком порыве объятия, дать выход своему чувству. Однако ничего этого Джери не сделал.

Задумчиво остановившись на перроне своего дома, он глядел на мягкодвигающиеся уличные полосы. Одетый в невесомую одежду без швов, только что подвергшийся химическому купанию в фиолетовых лучах, дышащий ароматом холостого мужчины, Джери ничем не отличался от типичного холостяка XLVI века. В своей белоснежно-белой одежде, ниспадающей красивыми складками, с непроницаемой маской спокойствия на лице, он казался олицетворением гражданского равновесия. Единственный только раз тень ужаса мелькнула на его лице. Это было тогда, когда, случайно взглянув себе под ноги, Джери увидел скользящий луч Рамсовского аппарата... Он испуганно отскочил назад и луч, не коснувшись его, остановился на соседе, выявив какие-то высоконучные размышления этого почтенного гражданина... Тот удивленно посмотрел на Джери. В Городе Разума не принято было скрывать свои мысли от ультра-Рамсовских лучей. Джери, чтобы замаскировать свое невольное движение, в замешательстве повернулся и, увидев на стене ящик с «суточной порцией калорий», подошел к нему, взял таблетку и, положив себе в рот, машинально проглотил... И лишь после этого понял весь ужас своего поступка... Он проглотил сегодня вторую суточную порцию пищи, ему не принадлежащую, и таким образом, не говоря уже о всяких могущих возникнуть в его организме осложнениях, он становился вором...

Между тем завтра ему придется подвергнуться очередному выявлению своих мыслей за истекшую неделю перед Рамсовским аппаратом. Тогда будет открыто все: и «внебрачный поцелуй», и его воровство... «Как было бы хорошо, — думал несчастный, — если бы люди, сделав что-нибудь, никогда бы не отдавали

отчета в своих мыслях о том, что они это совершили. Впрочем, — поймал сам себя Джери, — люди не могут воспринять того, что достигает их сознания.» А затем, убедившись, что продолжать думать — это нагромождать против себя одно обвинение за другим, Джери решил махнуть на все рукой и во всяком случае увидеть сегодня Дони. «Будь что будет», — вспомнил он давно забытую пословицу и, в пылу отчаяния, бросился надвигающуюся улицу.

Дальнейшие события стали разворачиваться с головокружительной быстротой. Едва улица свернула за ближайший угол, как Джери попал под влияние психоконтрольной доски... И вот здесь-то и произошло нечто невыразимо-ужасное. Давление в шкале преступной неуравновешенности показало небывалую высоту, отмечая появление в сфере своего влияния преступно-неуравновешенного элемента. Вибрационные щупальца сделали необыкновенный скачок кверху и, выпуская светящуюся струю воздуха, образовали над головой Джери лучезарный ореол, наподобие сияния древнехристианских мучеников. Раздался резкий звонок, столь непривычный слуховому восприятию окружающих, что те в ужасе попадали на землю. Какой-то старичок не первого омоложения конвульсивно дрыгал ножками, стараясь пропусканием воздуха через уши восстановить нарушенное слуховое равновесие. Уличное движение остановилось. К Джери подошел Слуга Общественной Безопасности и, положив ему руку на плечо, знаком пригласил следовать за собой.

Джери молча повиновался.

Глава вторая

Джери сидел в камере предварительного испытания и старался ни о чем не думать, зная, что все его мысли с яркостью калейдоскопа усваиваются стенами. Это ему плохо удавалось, особенно с тех пор, как его отовсюду стали пронизывать Лирагамовские лучи, совершенно безвредные, но имеющие свойство возбуждать деятельность мозговых функций человеческого организма... По-видимому, Совет Мирового Разума, чей приговор ему предстояло сейчас выслушать, решил подробно ознакомиться с внутренним содержанием обвиняемого.

Подумав об этом, Джери пришел к заключению, весьма пассивному и весьма трудно передаваемому: нечто среднее между выражением древних русских «черт с ними» и «бог с ними». Пожалуй, нечто, приближающееся более к первому понятию – «черт с ними», ибо, как-никак, а Джери после всех пережитых ужасов чувствовал себя достаточно отъявленным негодяем и поэтому склонен был поддерживать в себе дух возмущения. Под влиянием все тех же проклятых Лирагамовских лучей ему пришлось мысленно вернуться к своему раннему детству, выявив, между прочим, инцидент, о котором он, казалось, совершенно забыл... Воспитанный, как и все дети Города Разума, он знал о своих родителях только то, что они были мужчина и женщина... Впоследствии он узнал еще кое-какие подробности, связанные с личностью отца и матери, но, так как это произошло при довольно неприятных обстоятельствах, то Джери старался об этом поскорее перестать думать. Тем не менее ему приш-

лось восстановить в памяти все подробности. Однажды, уже будучи сознательным отроком, он проявил по отношению к одному из своих воспитателей неслыханное непослушание: факт был столь необычайным, что дошел до Совета Мирового Разума. Была произведена подробная научная экспертиза, как самого Джери, так и его родителей, в результате чего выяснилось, что хотя и отец Джери и его мать в отдельности были вполне уравновешенными людьми, но потенциал духовной мощи мужчины во много раз превосходил потенциал женщины, следствием чего явилась неуравновешенность в характере ребенка. Брак был немедленно расторгнут. Обоим была возвращена их девственность, но ошибка же произошла и результатом этой ошибки явился Джери. Наука долго работала над уравниванием Джериного духовного мира. Искусственно вводились новые элементы... балансировались, медленно видоизменяя сущность Джериного «Я». Сейчас, вспоминая обо всем этом, Джери приходилось фиксировать очень неприятные подробности, связанные с этими видоизменениями: над ним было проделано все, вплоть до многочасового стояния под аппаратом, которое систематически вводило в его сознание элементарные понятия «о необходимости разумного послушания». Затем его мысли возвращались к Дони... и, не владея больше ни ими, ни собою, он начинал бегать по камере предварительного испытания, давая тем самым исчерпывающий материал для наблюдения.

Глава третья

Допрос кончился совершенно неожиданно. Стены, о которых Джери был столь плохого мнения, внезапно раздвинулись и, бесшумно скользя, постепенно скрылись в отдалении... Джери был в зале приговора. Едва он взглянул вверх, как сразу же почувствовал свою полнейшую беспомощность. Зала представляла собой огромную круглую площадь, в несколько километров окружностью, с непрозрачными гладкими стенами, наклоненными к середине и образующими над головой свод колоссальной величины. Теперь Джери пришлось познать весь гнет пустоты... Ни один предмет не приковывал взгляда... Единственная линия, которую он мог уловить, была линия пересечения стены и пола, дававшая впечатление правильно замкнутого круга. Когда Джери, закинув голову, смотрел прямо вверх, он еле мог уловить на огромной высоте над собою сливающуюся точку, где замыкались в своем ужасном однообразии все эти серые стены. Судьи находились где-то высоко над ним. Вероятно, они видели его такого маленького и жалкого среди окружающей его пустоты. Он ждал приговора... Жаждал его!.. Но все оставалось бесконечно безмолвным. Чтобы придать себе мужество, Джери вытянул вперед руку, растопырив пальцы и стараясь в разнообразии их очертаний найти успокоение для своего взгляда. Но фон для них оставался все так же до ужаса однообразным. Преступник, как бы велико ни было его преступление, чувствовал свое ничтожество перед этой все подавляющей серой пустотой. Это была сама реально воплощенная Вечность.

Джери рискнул заговорить:

— Я — здесь! — робко заявил он в пространство, и его робкое заявление, повторяясь в стоголосом эхе, достигло слуха судей, в форме шепотом сказанной просьбы.

Тогда разверзлись небеса. Голос сверху говорил:

— Совет Мирового Разума, рассмотрев Ваши мысли, убедился, что Ваш организм потерял уравновешенность, необходимую для общения с человечеством.

При первых же словах этого ужасного голоса, повторяемого стенами в бесчисленных интонациях, Джери бессильно опустился на колени, стараясь руками заткнуть себе уши. Жест извечно красноречивый... Но здесь он не достигал цели. Звуки росли, ширились и, коснувшись слуховых органов, проникали в сознание...

Голос сверху продолжал:

— Дополнительный анализ состояния Вашего организма указывает на повышенную нервозность, превышающую все положенные в наше время границы. Причиной тому Ваша чрезмерная половая зрелость. Если Вы добровольно не согласитесь жениться, Совет Мирового Разума принужден будет изолировать Вас от остального человечества, имея в виду Вашу психологическую неуравновешенность. Во Имя Общественного Блага! Отвечайте!

По своему характеру Джери, в сущности говоря, не был пессимистом, но такое неожиданное заключение приговора превзошло его самые оптимистические надежды. В порыве благодарного восторга вскочил он на ноги и, простирая кверху руки, воскликнул:

— Вы делаете меня счастливейшим из людей! О, милая Дони, как нам будет хорошо!

Голос сверху его перебил:

— Спокойнее, не шумите: излишек шума принесет Вам только страдание; Вы должны знать, что все, имеющее отношение к народжению и воспитанию будуще-

го поколения, находится в непосредственном ведении Совета Общественного Благополучия; ни один брак не может быть заключен без его санкции; а между тем установлено, что Дони и Вы, по своим психофизическим очертаниям внутренней жизни, совершенно не подходите друг к другу; это обстоятельство делает Ваш брак невозможным.

Распростертое тело Джери несколько мгновений оставалось безмолвным. Затем стон нечеловеческой муки, жалобно вибрируя в воздухе, поднялся кверху.

Голос продолжал:

— Вы сами не подозреваете, как велика сила Вашей страсти. На всем пространстве Великой Республики обнаружено лишь несколько женщин, способных органически узнать Вас... Та, которая предназначена Вам в жены, живет на 6C-D Российской Низменности. Вам придется перелететь океан. Завтра Вы ее увидите. Ваши психофизические потенциалы почти тождественны. Потомство будет вполне уравновешенным.

Крик дикой животной боли потряс воздух. Джери бежал, не помня себя, рыдая и смеясь в одно и то же время... Добежав до ближайшей стены, он в изнеможении бросился на землю.

Голос сверху продолжал:

— Никакого шума. Можно подумать, что Вы человек XX века. Не волнуйтесь. Это неизбежно... До снаряда Вас будет сопровождать Слуга Общественной Безопасности. Когда Вы перелетите океан, Вас встретит другой. У него будут все инструкции. Отвечайте, согласны ли Вы?..

Джери стиснул зубы... Слова мольбы просились ввысь... Но он знал, что своим молчанием кидает неслыханный протест против существующих законов «Мировой Истины». И он молчал, ибо в этот момент,

благодаря неравному браку его родителей, в нем преобладала мужская воля...

И в ответ на этот вызов, голос сверху прогремел:

— Законы Мировой Истины непоколебимы. Истина в Разуме! Приучите себя к этой мысли. Истина в Разуме!

Стоголосое эхо подхватило на разные лады:

— Истина в Разуме! Истина в Разуме! Истина в Разуме!

Дикое зрелище для XLVI века представлял этот человек с безумно искаженным лицом, убегающий от самого себя среди серой пустоты без начала и без конца...

«Истина в Разуме!» — звучало где-то внутри его, падало откуда-то сверху и, ударяя в мозг, отскакивало к стенам, испещряя их зигзагообразными линиями: «Истина в Разуме!»

Теперь сам воздух как бы пылал: «Истина в Разуме! Истина в Разуме!»

Огненный смерч кружил и поглощал несчастного.

На вопрос: «Готовы ли Вы?» — Джери мог пробормотать лишь невнятное «да»...

Его воля была сломлена.

Глава четвертая

Подходя со Службой Общественной Безопасности к снаряду, Джери мысленно отдавал себе отчет во всем происшедшем. Для него было все кончено. Он не мог бороться против того, что являлось неизбежным. Сознание своего бессилия и непривычный ему запах уже женатого человека приводили его в тихое бешенство. Он готов был кусать себя и других. С омерзением вспоминались обстоятельства, при которых ему, еще неженатому холостяку, была сделана прививка «женатого запаха». Искусственно введенный в его тело химический состав «Рума» произвел реакцию, сделав его навсегда в глазах окружающих женатым человеком. При той строгости нравов, которая царила среди его современников, Джери мог считать себя вполне гарантированным в том, что ему никогда, ни с кем не придется изменять. Небольшая, но очень солидная предосторожность со стороны Совета Мирового Разума! Джери с иронической полуулыбкой вспомнил, как в древности те же обязанности исполняли маленькие, легко снимающиеся, обручальные кольца. Наивное, но счастливое детство человечества!

Когда они подошли к снаряду, Джери захотелось узнать некоторые подробности предстоящего путешествия. Слуга Общественной Безопасности любезно удовлетворил его любопытство.

«Да... Он полетит совершенно один, так как неуравновешенность его внутренних импульсов представляет известную опасность для остальных пассажиров. Что?.. Неужели ему впервые приходится пользоваться снарядом? Ведь это обычный способ передвижения

на большом расстоянии... Совершенно верно. Снаряд устроен по принципу невесомости... Нет, ему излишне знакомиться с устройством механизма. Все будет происходить само собой... После того как выходная дверь герметически закроется, снаряд получит толчок и направление от взрыва Анирина... Бесшумные взрывы будут продолжаться в задней части снаряда, периодически, в продолжение всего пути. В дороге ему придется пробыть три часа... Когда Магнитная Платформа 6С-D Российской Низменности притянет снаряд, ему откроет дверь Слуга Общественной Безопасности. У того будут дальнейшие инструкции. Счастливого пути... О, нет! Все, что связано со снарядом, начиная от расстояния и до силы разряжения Анирина, рассчитано математически верно. За последнее тысячелетие не было ни одного несчастного случая... Будьте спокойны!»

Выходная дверь герметически захлопнулась за Слугой Общественной Безопасности, и почти тотчас же Джери почувствовал два толчка. Первый, легкий, еле уловимый, у себя под ногами: это снаряд двинулся в путь. Второй, сильный, громко кричащий от радости, на том месте, где Джери нащупывал у себя сердце: перед ним, в открытой нише соседнего помещения, стояла его очаровательная Дони...

Первые мгновения прошли в безмолвном восторге... Две пары глаз в любовном экстазе пожирали друг друга... Затем их обладатели в диком порыве любви нашли себя в объятиях другого...

Три часа пролетели точно дивный сон... Поцелуи... Объятия... Слова, полные манящей нежности, чередовались с точностью работы Анирина... Ласки подчас более шумливые, нежели бесшумное действие этого взрывчатого вещества...

«Какой же он глупенький! Какая дерзость думать, что она его забыла. Нет, она узнала обо всем из вечерних световых сообщений Совета Мирового Разума. На фоне ночного неба она читала об обнаружении человека с необыкновенно преступными наклонностями... Это у него-то, у ее милого Джери, преступные наклонности. Там же она узнала, что его отправляют в 6С-D Российской Низменности, чтобы женить... О, этого она не могла допустить! Ей удалось незаметно проникнуть в снаряд и спрятаться там до его отбытия... Таким образом они оказались вместе... Как она счастлива!..»

Представляя себе Совет Мирового Разума в его сиянии непогрешимости, они не могли удержаться от хохота...

Любовь сделала их дух способным к мятежу...

Единственный только раз восторг первой брачной ночи был омрачен маленьким неприятным инцидентом... Донн, лаская губами кожу своего возлюбленного, неожиданно почувствовала какой-то незнакомый запах... Внюхавшись, она убедилась, что это «запах женатого человека». Она в ужасе отскочила от Джери.

— Неужели, ты уже женат?

Джери начал подробно и убедительно рассказывать о причинах столь преждевременного явления. Но не успел он еще кончить, как необыкновенно долгий поцелуй лишил его возможности продолжать свое повествование, уничтожая тем самым, неудачное на этот раз, мероприятие Совета Мирового Разума.

Глава пятая

Среди многомиллионного счастливого человечества, уверовавшего, что «Истина в Разуме», в достопамятный час прибытия снаряда был один человек, вовсе не подозревавший, какому тяжкому нравственному испытанию он сейчас должен будет подвергнуться. Это был Слуга Общественной Безопасности 6С-D Российской Низменности.

Открывая дверцу снаряда, чтобы выпустить Джери, он совсем об этом не думал...

Обнаружив досадный факт присутствия женщины, о которой в инструкциях Совета Мирового Разума не было сказано ни слова, Слуга Общественной Безопасности решил не замечать женщины.

Вероятно, так же поступил бы на его месте и всякий другой Слуга Общественной Безопасности.

Но мужчина не шел без женщины... А когда приглашения со стороны Слуги Общественной Безопасности стали настойчивее, он громогласно объявил, что его зовут Джери и что эта женщина — его жена и зовут ее Дони...

Так как случаи лжи были весьма редки в Республике Мирового Разума, то Слуга Общественной Безопасности был поставлен этим заявлением в необыкновенно двусмысленное положение. У него имелись инструкции, полученные от Совета Мирового Разума, в которых ясно говорилось, что прибудет холостой мужчина с женатым запахом. Его следовало отвезти к женщине, «которая должна стать его женой». Вспоминая это распоряжение, Слуга Общественной Безопасности усомнился даже в способности своих вос-

производительных мозговых функций... Усомнился до такой степени, что подошел к ближайшему контрольному аппарату и устроил самопроверку... Но нет!.. Результаты оказались блестящими. Мозговые функции работали с точностью кинопатофона... Тогда он здесь же с помощью той же контрольной доски подверг испытанию Джери и Дони, причем убедился в несомненном факте их супружества... Жар изведенной любви окутывал их голубой дымкой счастья... До безобразия ясной, видимой чуть ли невооруженным глазом.

Слуга Общественной Безопасности почувствовал внутренний трепет. Воспитанный со строго внушенным сознанием о возможности лишь единобрачия в Великой Республике Мирового Разума, он трепетал теперь перед открывшимся противоречием... Но директивы Совета Мирового Разума были, как всегда, столь определены, что он не смел их не исполнить...

Тем не менее весь его организм был потрясен до основания. Как!.. Он, Слуга Общественной Безопасности, и вдруг ведет мужчину, заведомо женатого, к женщине, «которая должна стать его женой».

За все время пути, пока они втроем, отдельной группой, стояли на двигающейся улице, Слуга Общественной Безопасности не проронил ни слова... Временами, от избытка волнующих его противоречий, он чувствовал слабость в ногах... Прибыв на место, они увидели, что их уже ждали. Женщина, «которая должна стать его женой», была вполне подготовлена к встрече с мужчиной, «который должен стать ее мужем». Ее даже предупредили о преждевременном женатом запахе ее жениха. Но она совсем не была подготовлена к тому, что ее жених явится к ней со своей женой... А между тем не нужно было никаких контрольных аппаратов, чтобы убедиться, что Джери и Дони счастливейшие из молодоженов.

Женщина, «которая должна была стать его женой», залилась слезами, так как хотя она и была женщиной XLVI века, но все-таки в ней, во-первых, уцелел еще инстинкт женщины, а во-вторых, не было окончательно изжито чувство собственности... Поэтому она плакала...

Когда она перестала, Джери в четких, ясных выражениях изложил отдельные моменты в истории его любви.

Все присутствующие, в том числе женщина, «которая должна была стать его женой», были тронуты. Им даже казалось, что Совет Мирового Разума должен их непременно простить, применив к их детям все научные достижения последнего тысячелетия для устранения последствий досадной несхожести потенциалов родителей.

Джери, обратившись к Слуге Общественной Безопасности, просил обо всем случившемся довести до сведения Совета Мирового Разума с просьбой о помиловании...

Слуга Общественной Безопасности чувствовал в своем организме преступную неуравновешенность — настолько он был потрясен.

Но он решил до конца остаться на своем посту. Поэтому он сказал Джери и Дони:

— До дальнейших распоряжений Совета Мирового Разума Вам придется изолироваться на берегу моря. Для этого Вам будет предоставлен летательный аппарат близкого направления. Ваша просьба о помиловании будет передана Совету Мирового Разума. Идемте!

Затем, полчаса спустя, отправив Джери и Дони к месту их уединения, он передал Совету Мирового Разума обо всем случившемся. Свой доклад он закончил просьбой о своей отставке, мотивируя ее желанием отдохнуть и полечиться в Психолечебном Заводе Челю-

вечества. Его просьба была уважена... Так кончил свою карьеру Слуга Общественной Безопасности 6С-D Российской Низменности, силой обстоятельств потерявший уверенность в непогрешимости Совета Мирового Разума.

Глава шестая

В XLVI веке все прибрежные полосы земного шара были превращены в чудные тропические сады. Благодаря искусственно направленным теплым водяным и воздушным течениям, здесь удалось привить небывалую по роскоши красок и размеров флору. В продолжение шести нерабочих дней недели, люди XLVI века в разумных удовольствиях проводили тут свое время, не будучи связаны чем-либо с городской жизнью... На седьмой день все спешили обыкновенно в город, во-первых, для того, чтобы своей часовой работой обеспечить благосостояние человечества, во-вторых же, чтобы выявлением своих мыслей перед Рамсовским аппаратом дать отчет за истекшую неделю. Таким образом, сады побережья в этот день становились совершенно пустынными. И так как Джери и Дони попали сюда именно на седьмой день, то они могли вполне насладиться прелестью уединения.

Нельзя сказать, чтобы это им было неприятно.

Наоборот, поглощенные всецело своим чувством друг к другу, они находили необыкновенное наслаждение, гуляя по сказочно прекрасному саду, так гармонично сливающимся с их чудными переживаниями... Бродя по дорожкам золотистого гравия, под сенью гигантских цветов, образующих над их головами колыхающийся ковер красок, опьяненные друг другом и ароматом окружающей воздушной пелены, они, казалось, забыли обо всем, что не имело смысла в их настоящем... Перебрасываясь порой несколькими, ничего не значащими словами, они находили в интона-

циях голоса говорящего всю полноту переживаемого ими счастья...

Один только раз они увидели в конце аллеи тень человека, который при шорохе их шагов немедленно скрылся. Но это обстоятельство отрезвило их до такой степени, что они вспомнили о суточной порции пищевых калорий. Подойдя к ближайшему цветочному столу, они достали оттуда по одной таблетке и молча проглотили. После этого им почти одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Им казалось, что проглоченные таблетки как бы вносят какой-то диссонанс в мир счастья, куда они попали, заведенные любовью... И почти тотчас же оба почувствовали на себе недремлющее око Совета Мирового Разума: это уже становилось неприятным и создавало какие-то неизбежные перспективы в будущем... Дони была женщина сама по себе уравновешенная, но под влиянием всего происшедшего в ней обострилась чуткость восприятия, издревле свойственная всем женщинам. Поэтому она первая напала на мысль о смерти... Одна лишь смерть может их соединить навеки... Никакой Совет Мирового Разума не сможет тогда расторгнуть их брак... Джери, подумав немного, вполне согласился с мнением Дони, находя его вполне логичным.

Таким образом, они пришли к решению умереть. Но умереть в XLVI веке, без ведома Совета Мирового Разума, было не так-то просто.

Одни за другими им приходилось отбрасывать предполагаемые способы самоумерщвления. Кроме того, они постоянно должны были считаться с фактом своего пребывания в Прибрежных Садах Отдыха, где совершенно отсутствовали орудия самоистребления.

Вдруг Джери, случайно взглянув на море, напал на мысль, заведомо нелепую, но которую Дони в ослеп-

лении супружеского послушания нашла превосходной... Они решили утопиться.

Взобравшись на довольно высокий холм, господствующий над морем, они слили свои уста в «вечном поцелуе смерти», после чего Джери сделал легкий прыжок вперед и, сжимая в своих объятиях Дони, ринулся вниз навстречу желанной смерти...

Однако ничего ужасного не произошло... Вода, точно жидкое желе, мягко приняла их тела, а затем, выпружинившись, предоставила им на своей поверхности кончать «вечный поцелуй смерти».

Подчиняясь закону о переменности земных явлений, Джери принужден был в конце концов оторваться от Дониных губ. Он чувствовал себя ужасным идиотом в самом древнем смысле этого слова.

Как мог он забыть, что вода во всех прибрежных полосах была искусственно уплотнена введением уплотняющих гелей... во имя Общественной Безопасности!.. Подмокшие, но совершенно невредимые, они выбрались на берег.

Оба были сконфужены своей неудачей. Желание смерти приняло у обоих кошмарные формы.

Они — свободные люди XLVI века — чувствовали себя рабами законов Неизбежности!..

Поглядев виновато друг другу в глаза, они решили на суше повторить начатый «поцелуй смерти». Поцелуй длился необыкновенно долго, но все-таки не мог принести с собой желанной смерти.

Тогда Дони, в которой, по-видимому, просыпалась женщина прежних времен, обрела неожиданно недвусмысленное лукавство. Наклонившись к уху Джери, она поделилась с ним своим планом. Джери этот план сперва показался чудовищной изменой, но потом, поразмыслив немного, он пришел к выводу, что это лишь «Великая Жертва Любви». План был необыкновенно

прост и заключался в том, чтобы изменить с кем-либо друг другу и, таким образом, заслужить смерть от Совета Мирового Разума. При существующих законах строго разумного единобрачия наказание смертью за такой проступок было неминуемо.

Джери и Дони соединили свои уста в последнем прощальном поцелуе и, мужественно глотая подступающие слезы, крепко, по-древнему, пожали друг другу руки. А затем, повернувшись друг к другу спиной, они зашагали вдоль берега в противоположных направлениях.

Вдруг страшный порыв ветра сшиб обоих с ног и распростер на земле. У обоих было при этом такое чувство, точно их прихлопнули сверху чем-то тяжелым. Едва они смогли встать на ноги, как в порыве жгучего беспокойства бросились навстречу друг к другу.

Но нет. Оба были совершенно невредимы, а восстановившееся равновесие воздушной сферы по-прежнему набрасывало на них пелену своих ароматов... Природа кругом казалась неизменно прекрасной...

Джери и Дони, повторив вновь поцелуй прощания, на этот раз менее уверенно, снова разошлись в разные стороны.

Идя вдоль берега, Джери думал о том, что их предприятие, в конце концов, не так уж легко осуществимо. В крайнем случае им, может быть, придется прибегнуть к физической силе. Особенно трудно будет Дони... И что станет с ними, если один из них справится со своей задачей, а другой нет?..

Полный терзающих его сомнений, Джери медленно подвигался вперед, как вдруг заметил нечто удивительно странное.

Далеко с моря шла широкая, темная полоса и, образуя полукруг, врезалась в берег, оставляя широкий след на песке и пропадая в чаще растительности, как

бы опоясывала заколдованным кругом то место, где находились Джери и Дони.

Подойдя к этой темной полосе, пересекающей ему дорогу, Джери подумал, что она, вероятно, является нравственным предостережением по его адресу со стороны Совета Мирового Разума. Он решил одним прыжком оставить за собой препятствие. Прыжок был сделан, но перепрыгнуть преграду так и не удалось. Стукнувшись о какую-то невидимую стену, Джери очень неделикатно был отброшен назад... Подымаясь на ноги и потирая ушибленные места, он принужден был прийти к очень печальному выводу, что людям XLVI века хотя и редко, но все-таки свойственно испытывать физическую боль...

Исследовав поверхность невидимой стены, он убедился, что та уходит высоко кверху, по-видимому, образуя над ними колоссальный прозрачный колпак. Это уже был весьма реально выраженный плен!

Затем Джери вспомнил о Дони, и ему захотелось поскорее убедиться в том, что с ней не произошло ничего дурного. Поэтому он со всех ног кинулся бежать туда, откуда только что пришел, и был несказанно обрадован при виде спешащей к нему навстречу Дони.

«Да, она тоже натолкнулась на прозрачную гладкую стену... Нет, она не прыгала... и потому ушиблась только совсем немножко...»

Таким образом, Джери и Дони постигли реальность плена XLVI века.

Дальнейших событий им не пришлось долго выжидать.

Голос из-за тысячи верст, усиленный питафоном, мощно изрекал свой приговор.

— Так как Ваша попытка к преступлению была столь явной, что преступление можно считать уже совершившимся, Совет Мирового Разума постановил Вас, Джери,

и Вас, Дони, предать смерти через удаление воздуха из-под купола. Если Вам этот способ удушения почему-либо не нравится, Вы можете избрать себе другую смерть. Но Вы умрете под куполом. Пять минут на размышление.

Джери и Дони обменялись радостными взглядами. Они достигли цели. Теперь смерть была неизбежна.

Затем Дони взяла на себя ведение переговоров.

Она гордо бросила вверх:

— Мы согласны умереть под куполом. Мы хотим умереть в объятиях друг друга... Но не лишайте нас воздуха и его ароматов.

На это голос ответил:

— Хорошо. Ваше желание будет исполнено. К Вам под купол будет введен снотворный сладкий яд. Вы умрете от избытка аромата в воздухе. Смерть будет скорой и приятной. Будьте готовы!..

Несколько времени спустя, засыпая вечным сном и объятиях друг друга, Джери и Дони могли слышать слова, которые их более уже не интересовали:

— Странно... У Вас вкусы доисторических людей...

Это Совет Мирового Разума заключал свои наблюдения над совершившимся Актом Неразумной Смерти от Великой Любви.

Комментарии

Крошечная, местами юношески наивная, но любопытная и примечательная повесть-антиутопия Андрея Марсова *Любовь в тумане будущего* (*История одного романа в 4560 году*) впервые вышла в свет иждивением автора в Ленинграде в 1924 г. После републикации повести в антологии *Венецианское зеркало: Русская фантастическая проза 10-20-х гг. XX в.* (1999) ее начали закономерно сравнивать со знаменитой антиутопией Е. Замятина *Мы*, написанной в 1920 г. и впервые опубликованной за границей на английском языке в 1924 г. Напрашивается и сравнение с 1984 Дж. Оруэлла (1949); тема запретного любовно-сексуального влечения в тоталитарном обществе объединяет все три антиутопии. Нельзя исключать (но и доказать), что Марсов был знаком с романом Замятина или, по крайней мере, с пересказами его фабулы. Некоторые мотивы – евристическое планирование рождаемости, психиатрическое воздействие на «инакомыслящих», напоминающее о советской «карательной психиатрии», роднят повесть Марсова и с тоталитарной утопией Я. Окунева *Грядущий мир 1923-2123*, изданной в Петрограде в 1923 г.

Несмотря на крайнюю сжатость повести, Марсов рисует цельную и разветвленную систему механизмов тоталитарного контроля. Здесь и постоянно просвечивающие всех уличных пешеходов (правильней будет сказать – «пассажиров», ибо улицы в повести движутся) «ультра-Рамсовские лучи», «фотографирующие самые сокровенные мысли», и расставленные повсюду «психоконтрольные» доски, и бдительные «Слуги Общественной Безопасности», чьи посты попадаются на каждом шагу, и привитые людям метки-запахи. В особо трудных случаях, как в «деле» влюбленных Джери и Дони, применяются «Лирагамовские лучи», стимулирующие деятельность подсознания, заключение под невидимым колпаком силового поля и, наконец, смертная казнь.

Любовь в тумане будущего не слишком повезло с исследователями – из описания в описание кочует один и тот же отрывок из статьи Е. Харитоновой «Русское поле утопий» (*Если*, №№ 6-8, 2001), полный фактических ошибок:

«...повесть безвестного Андрея Марсова “Любовь в тумане будущего” вряд ли известна большинству читателей. Самое забав-

ное, что она вышла в том же, 1924 году, но в Москве – в государственном издательстве. <...> Содержание этой небольшой повести поразительным образом пересекается с замятинским “Мы”. Но если государство, описанное Замятым – абстрактно, то в унифицированном, “обнуленном” (здесь так же люди имеют личные номера) мире Марсова вполне отчетливо упоминается Россия, как часть некоего мирового сообщества – Совета Мирового Разума. В этом мире все подчинено контролю – мысли, чувства, рождение... и даже умереть нельзя без особого разрешения Совета. И ежечасно за вами строго наблюдают вездесущие Слуги Общественной Безопасности».

Повесть Марсова, как уже известно читателю, издана была не в государственном издательстве Москвы, а в Ленинграде и даже не в официальном издательстве, а на средства автора; люди в мире антиутопии носят имена; в нем нет отдельных государств, а только единообразное мировое государство, Великая Республика Мирового Разума, «Россия» же превратилась в уничижительный топоним – это всего лишь «Российская Низменность» с нумерованными территориями.

В одном, пожалуй, прав Харитонов – Марсов действительно «безвестен». В сетевых источниках можно встретить нуждающиеся в подтверждении сведения о том, что Андрей Марсов родился 25 октября 1901 года в Санкт-Петербурге в семье действительного статского советника Василия Марсова и что повесть *Любовь в тумане* будущего, его единственное литературное произведение, была вдохновлена «юношеской влюбленностью» в балерину Е. Люком (1891-1968). «Елена Михайловна Люком была очаровательна: с огромными голубыми глазами, нежная. Как танцовщица она сохранила необыкновенную, неповторимую женственность» – вспоминает о ней балерина А. Осипенко. Такой и видится героиня повести, «очаровательная Дони»... И если приведенные биографические сведения верны, фотографический портрет Е. Люком, вынесенный на обложку этой книги, как нельзя более уместен.

М. Ф.

Оглавление

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Комментарии	32

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.